
И.Г. Коновалова

И.К. Фоменко. ОБРАЗ МИРА НА СТАРИННЫХ
ПОРТОЛАНАХ. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. КОНЕЦ XIII–XVII в.
(М.: Индрик, 2007. — 408 с.; ил.)

Рецензируемая монография принадлежит к числу безусловных де-зидерат отечественной историографии. Подобного рода книгу давно ждали медиевисты, историки России, специалисты по исторической географии и картографии, искусствоведы. Работа И.К. Фоменко посвящена исследованию средневековых морских карт и, по мысли автора, призвана решить ряд задач: во-первых, «раскрыть значение и особенности средневекового портолана как исторического источника» (с. 8)¹; во-вторых, «сформулировать, отработать и по возможности обобщить те специальные исследовательские подходы и процедуры, с помощью которых можно извлечь конкретную информацию того или иного рода из такого специфического источника, как средневековая морская карта» (с. 8); в-третьих, реконструировать этническую, социально-политическую, хозяйственно-экономическую и религиозную ситуацию в Причерноморском регионе по данным морских карт (с. 9). Таким образом, И.К. Фоменко ставит перед собой триединую задачу источниковедческого, методического и конкретно-исторического плана.

С этой целью автором проанализировано — в факсимильных публикациях и *de visu*² — более 200 морских карт, атласов и карт иного рода (в том числе монастырские *mapae mundi*) начала XIV — конца XVII в. (с. 19), лоции XIII — начала XVIII в. и античные периплы (с. 20), а также другие источники — записки

¹ Здесь и далее все ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте.

² К сожалению, автор, отмечая это обстоятельство (с. 19), не указывает, какие именно карты были изучены им в рукописях. Судя по «Таблице средневековых картографических школ», это как минимум неопубликованные Морской атлас Баттиста Аньезе 1546 г. из коллекции ГНБ, морские карты Дж. Руссо 1569 и 1577 гг. из коллекции РНБ, а также анонимная морская карта 1578 г. из собрания ЛОИИ РАН (последнее почему-то названо «ЛОИ РАН»; см. с. 250).

путешественников, летописи, археологические, эпитафические и нумизматические памятники.

Структура монографии восходит к диссертации, защищенной автором в 2001 г.³ Вводная часть, помимо собственно Введения (с. 7–10), содержит обзоры историографии (с. 11–18) и источников (с. 19–24). Основная часть исследования состоит из четырех глав: «Морская карта и ее создатели» (с. 17–44), «Стилистические особенности и функции морской карты» (с. 55–76), «Топонимика» (с. 103–119) и «Изображения» (с. 131–176). После Заключения (с. 217–219), Библиографии (с. 221–228) и Списка сокращений (с. 228) помещены многочисленные Приложения: «Таблица средневековых картографических школ» (с. 231–250), две «Сводные таблицы сравнительной номенклатуры» (с. 251–348), «Таблица важнейших топонимов» (с. 349–354), «Таблицы флагов» (с. 355–392), «Таблица роз ветров» (с. 393–396), а также авторские карты-реконструкции: вексиллографическая и этнолингвистическая карты Причерноморья, этнополитическая карта Крыма IX–XV вв., а также экономическая карта Крыма того же периода, содержащая сведения о православных епархиях на полуострове. Именной и географический указатели в книге отсутствуют, что, впрочем, отчасти компенсируется подробными топонимическими таблицами.

Книга прекрасно иллюстрирована. Она содержит 75 цветных иллюстраций (изображения морских карт и иных памятников картографии периода Средневековья и Нового времени, фотокопии страниц средневековых рукописей, репродукции картин и т.п.) и 12 черно-белых, а также 5 авторских цветных фотографий с видами генуэзских крепостей в Крыму. Следует отметить высокое качество иллюстраций и цветных карт-реконструкций, что, как и полиграфическое исполнение книги в целом, является несомненной заслугой издательства «Индрик».

В части 1 главы I, озаглавленной «Феномен морской карты», прежде всего обращает на себя внимание терминологическая не-

³ *Фоменко И.К.* Морские карты как исторический источник: Причерноморье, конец XIII–XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. Отдельные фрагменты текста книги несут на себе следы переработки диссертационного исследования в монографию. Характеризуя изученные им источники, автор пишет: «Следующий значительный массив материалов, использованных в диссертации...» (с. 22). В Заключение включены дежурные фразы о практическом значении проделанной работы и т.п. (с. 217–219), уместные, скорее, в автореферате диссертации, но не указано, какой новый картографический материал вводится автором в научный оборот.

внятность в определении самого объекта исследования, которая будет сопровождать читателя на протяжении всей книги. Вопрос же о терминологии в данном случае весьма важен по ряду причин. Во-первых, навигационные пособия, рассматриваемые в монографии, существовали в двух ипостасях — в виде карты и в форме лоции, для обозначения которых в Средневековье использовались различные термины. Средневековые мореплаватели проводили четкое различие между картами и лоциями, применяя к первым термин *carta*, *tabula* или *mappa*, а ко вторым — *portolano* или *compasso*⁴. Во-вторых, контуры морских карт неоднократно использовались при составлении карт мира, в принципе не предназначавшихся для навигационного применения, что заставляет проводить различие — в том числе и терминологическое — между этими двумя типами источников. В-третьих, в посвященной морским картам историографии не было и нет терминологического единства: если во французской, итальянской, испанской, португальской литературе для обозначения навигационных пособий картографического характера употребляется термин «морская карта», то англоязычные исследователи, считая его слишком общим, предпочитают термин «карта-портолан» (*portolan chart*), в то время как в немецкой историографии можно встретить такие термины как «румбовые карты» (*Rhumbenkarten*), «компасные карты» (*Compaskarten*) или «локсодромные⁵ карты» (*loxodromischen Karten*)⁶; в отечественной литературе средневековые морские карты обозначаются, как правило, термином «портолан (портулан)»⁷.

И.К. Фоменко отмечает, что итальянское слово *portolano*, означающее «описание морских направлений», было введено в научный оборот, «чтобы не смешивать понятие карты и письменных навигационных маршрутов» (с. 27), но, по-видимому, считает, что это было сделано напрасно, так как на этой же странице сообщает: «Портоланы представляли собой первые современные научные кар-

⁴ *Magnaghi A.* Nautiche carte // *Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti.* Roma, 1934. Vol. 24. P. 323; *Campbell T.* Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500 // *The History of Cartography.* Chicago; L., 1987. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. P. 375.

⁵ Локсодрома — кривая на поверхности вращения, пересекающая все меридианы под постоянным углом.

⁶ Обзор терминологических различий см.: *Campbell T.* Portolan Charts. P. 375.

⁷ *Салищев К.А.* Картоведение. М., 1982. С. 315–317; Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины. М., 1988. С. 239.

ты». Чтобы разграничить два вида средневековых навигационных пособий автор прибегает к множеству терминов.

Навигационные пособия картографического характера именуются в книге следующим образом: «портолан» (в заглавии книги, в аннотации к книге на с. 4, а также на с. 7–20, 27–44, 55–60, 62, 65–68, 71, 73–76, 103, 107, 108, 113–119, 133–135, 137–142, 144–155, 157, 158, 160–165, 167–176, 217–219, 231), «карта-портолан» (с. 8, 27–29, 76, 217–218), «графический портолан» (с. 13, 15, 19, 24, 219), «рисованный портолан» (с. 66), «морская карта» (в аннотации к книге на с. 4, с. 8–19, 22, 27–41, 43, 44, 55–59, 61–68, 71, 73, 74, 76, 103, 104, 107–109, 111, 113, 114, 116–119, 131, 133, 135, 137–140, 143–160, 162–164, 167–176, 217, 218, 231), «морская карта-портолан» (с. 7, 15, 18, 19, 27, 36, 42, 55, 56, 59, 60, 62, 67), «графическая морская карта» (с. 219), «навигационная карта» (с. 8, 9, 11, 14–16, 27–35, 37, 41, 42, 44, 55–59, 62, 63, 65–68, 73–76, 108, 118, 119, 133, 138, 140, 141, 148, 152, 155, 158, 162, 167, 170, 217, 231), «навигационная карта-портолан» (с. 67, 70), «навигационная морская карта» (с. 30), «компасная, или румбовая карта» (с. 27–36, 38), «навигационное руководство» (с. 117). В оглавлении большинства разделов книги использован термин «морская карта» (гл. I, II; часть 1 гл. I, часть 2 гл. IV), лишь в названии части 2 гл. II говорится о «морских картах-портоланах».

Для обозначения лоций автор также употребляет целый ряд терминов: «портолан» (с. 20, 27), «словесный портолан» (с. 13, 15, 19, 20), «письменный портолан» (с. 20, 69, 103, 104, 107–109, 113, 116, 118, 151, 175, 218, 219), «неграфический портолан» (с. 118), «морское руководство» (с. 104, 106, 117), «письменное морское руководство» (с. 105, 111, 118, 143), «навигационное руководство» (с. 68), «письменное навигационное руководство» (с. 17, 71, 108, 218), «письменное руководство по навигации» (с. 71, 108), «нарративное навигационное руководство» (с. 10), «письменный навигационный маршрут» (с. 27, 68), «письменное руководство» (с. 118), «руководство по навигации» (с. 20, 68, 70), «руководство для мореходов» (с. 118), «навигационная практика» (с. 20, 70), «справочник морских направлений» (с. 68, 69, 70).

Такая избыточность терминологии, к тому же вводимой, за редким исключением, без всяких авторских пояснений, приводит к тому, что выражения, используемые автором для обозначения объекта своего исследования, вообще перестают восприниматься как термины. Если и карту, и лоцию можно назвать одним словом «пор-

толан», то есть ли между ними разница? Чем отличается «навигационное руководство», выходящее из-под пера картографа (с. 117), от «навигационного руководства», являвшегося «существенным дополнением к картам» (с. 68)? Если про «словесный портолан» автор поясняет, что «такое название применяется для навигационных руководств, в которых отсутствует графическое изображение» (с. 19), то зачем для обозначения тех же самых руководств вводить еще термины «письменный портолан» (видимо, калька с англ. *written portolan*) и «неграфический портолан»?

Склонность автора к терминологическому творчеству проявилась и по отношению к предложенному А. Норденшёльдом термину *normal portolano*. Вместо того, чтобы использовать уже принятый в науке термин или обосновать нецелесообразность его использования, И.К. Фоменко говорит о «типичном портолане» (с. 29), «типичной карте» (с. 31), «сложившейся модели портолана» (с. 56), «стандартной морской карте» (с. 111), предоставляя читателям самим судить о том, что могли бы означать все эти выражения. Несколько раз автор прибегает к термину «горловина портолана» (с. 62, 66, 174, рис. 13 к гл. II, рис. 38 к гл. IV), который также не комментирует.

Попутно заметим, что со многими другими терминами автор также обращается весьма вольно. Хорография, по его мнению, — это «леса и горы, пейзажи» (с. 167); поэтому он пишет о «хорографии на портоланах» (с. 14), «хорографических элементах на карте» (с. 168), а карту Фра Мауро 1459 г. называет «классическим образцом хорографической работы» (с. 167), как будто это не памятник картографии, а текст типа «Географии» Страбона.

Термином «перипл», которым вообще-то принято обозначать описание плавания вдоль морских берегов, обозначается путь росов из Внешней России в Константинополь (с. 107), рассказ о котором содержится в сочинении Константина Багрянородного, а также итинерарий митрополита Пимена от Москвы до Константинополя (с. 135–136).

Вместо использования терминов «этнотопоним» и «топоэтноним» автор многократно употребляет слова «топоним» и «этноним» как синонимы, например: «О той роли, которую сыграло в истории северного Причерноморья Древнерусское государство, говорит количество связанных с ним топонимов — 10, из которых 6 — этнонимы!» (с. 107; см. также с. 105–109). Встречается и термин «антропоним» в значении «топоним»: «Следует упомянуть также

о существовании на морских картах четырех антропонимов, связанных с именами реально существовавших людей, а также полупегандарного Ээта (оппонента аргонавтов), без учета топонимов, связанных с христианскими святыми. Это антропонимы Ногай, расположенный близ эстуария Днестра; Дадриан, находящийся южнее Севастополя; возможно, Ээт на юго-востоке Причерноморья и антропоним Фарнаксия (остров в юго-западном Причерноморье)) (с. 109).

Династия монгольских правителей Ирана Хулагуидов (называемых на с. 139, 148 «Хулагидами») одновременно именуется династией «Ильханидов» (с. 139, 144, 147, 148, 164), а монгольский Иран — соответственно — «государством Ильханидов» (с. 163, 218) или «Ильханидским государством» (с. 148), в то время как «ильхан» — это титул, а не имя собственное, поэтому называть правителей Ирана «Ильханидами» — это все равно, что всех правителей тюркских каганатов называть по их титулу «Каганидами».

Выражение «гидронимы рек» (с. 117) свидетельствует о непонимании автором содержания термина «гидроним», не требующего после себя упоминания типа того водного объекта, к которому данный термин относится. В «Сводной таблице сравнительной номенклатуры — I» упоминаемый в сочинении ал-Идриси гидроним *nahr danū* (арабское обозначение реки Дунай) почему-то отождествлен не с одним из гирл дунайской дельты, а с населенными пунктами — совр. Вилково и средневековым Ликостомо (с. 252).

Множество терминов в книге написаны с ошибками. Слово «вексиллография» и его производные во всех без исключения случаях употребления написаны неправильно: «векселлография» (с. 158), «векселография» (с. 139), «векселографическая реконструкция» (с. 144, 160), «векселографическая карта-реконструкция» (с. 219); «Векселографическая карта» (с. 6, а также цветная вкладка в конце книги). Направление на Ка'бу, соблюдаемое во время совершения мусульманской молитвы, названо «кублой» (с. 172), а не «киблой»; наименование ордена Иоаннитов написано с одной *n* (с. 158), хотя принято с двумя; в слове «сотериология» также допущена ошибка: «Миниатюры служили для украшения карты, а также выполняли сотерологические функции» (с. 173).

Но вернемся к аналитической части работы. В разделе «Феномен морской карты» кратко изложены основные теории происхождения средневековых морских карт, а также технология их

составления и характерные черты (с. 27–34). В части 2 главы I (с. 35–44) собрано множество интересных сведений о средневековых картографрах — об их социальных корнях, национальной принадлежности, вероисповедании, профессиональной специализации, условиях работы и т.п. Кроме того, здесь же затронут вопрос о картографических школах, которому специально посвящена часть 1 главы II (с. 55–66).

Выделение картографических школ в рецензируемой книге проведено в соответствии с уже сформулированными в историографии признаками⁸ и основано на «стилистических особенностях выпускаемой картографами продукции» (с. 35, 55), использовании «национальных цветов в декоративном оформлении карты» (с. 55), на объеме «передаваемой информации, главным образом того, что касается terra ferma» (с. 55), а также на форме пергамена, на котором изготовлена карта (с. 55). В конечном итоге решающим фактором оказывается «прежде всего центр, где изготавливался портолан», поэтому все картографические школы носят национальный характер: итальянская, каталанская, португальская, испанская, турецкая, критская, далматинская, марсельская (с. 55–56).

Время формирования и расцвета картографических школ определяется автором весьма противоречиво. С одной стороны, говорится о картографических школах «конца XIII — первой половины XVII в.» (с. 55), откуда можно заключить, что к концу XIII в. они уже сложились и просуществовали в этом качестве как минимум до первой половины XVII в. Далее автор уточняет, что до второй половины XIV в. имело место «значительное взаимовлияние» различных картографических школ, после чего «в картографической продукции стал доминировать регионализм» (с. 103), так что «о чистоте стиля можно говорить лишь применительно к XIV–XV вв. С середины XVI в. национальные особенности в картографии интегрируются, происходит смешение стилей различных европейских школ» (с. 57). Однако одновременно с этим утверждается, что картографические школы возникли не в XIII, а в XVI в. (с. 8), причем в этот же самый период в оформлении карт «нарастает эклектизм» (с. 8, 57), т.е. оказывается, что становление школ шло параллельно с размыванием стилевых различий между ними.

⁸ См. обзор литературы: *Campbell T. Portolan Charts. P. 392–398.*

Наглядным дополнением к данному разделу служит составленная автором «Таблица средневековых картографических школ» (с. 231–250), которая, как справедливо замечено в книге, может быть использована в качестве самостоятельного справочника. То же самое можно сказать и о двух таблицах флагов (с. 355–392) и таблице роз ветров (с. 393–396).

В части 2 главы II рассматривается применение морских карт (с. 67–76). Автор приводит много ценных сведений об использовании карт в навигационной практике, а также об употреблении их в декоративных целях. В принципе в этом же разделе логично было бы обсудить и вопросы, связанные со степенью достоверности морских карт как источника, однако замечания по этому поводу рассредоточены по остальным разделам книги (см. с. 7, 9, 66, 73, 116, 217).

Называя морские карты «точнейшим документом своего времени» (с. 8, 173; см. также с. 7, 157), автор вместе с тем отмечает и определенные особенности этого источника, снижающие его достоверность. Так, по его наблюдению, «картографическая форма отстает от политической (экономической) ситуации в среднем на 15–20 лет» (с. 119), нередко «картографы намеренно искажали существовавшие политические реалии» (с. 131), к примеру, отказывались помечать на своих картах фактории конкурентов (с. 155) или укрупняли значки, обозначавшие собственный город (с. 171), а после перехода Черного моря под власть турок продолжали рисовать флаги христианских государств над черноморскими портами (с. 76, 146, 151, 159, 164).

Главы III и IV посвящены рассмотрению информации морских карт о Причерноморье. Безусловной заслугой автора является то, что он обратил внимание на важность морских карт как источника по этнополитической, социально-экономической и религиозной истории региона и показал широкие возможности их использования в этом направлении. Ценно также и то, что результаты своей работы автор представил не только в текстовой форме, но и в виде красочных карт-реконструкций (Вексиллографическая и Этнолингвистическая, относящиеся ко всему Причерноморью, а также две карты Крымского полуострова) и трех сравнительных топонимических таблиц (с. 251–354).

Что касается «Этнолингвистической карты», то вызывает возражение принцип, положенный в основу ее составления. Он нацелен на выяснение «характера того или иного топонима — местный

он или привнесенный» (с. 104), но при этом почему-то предполагает игнорирование лингвистической формы самого топонима. В результате получается, что, к примеру, топонимы *Varna*, *Rosico*, *Barbarexe*, *Perezo*, *flumen Elexe*, *Cauo de Zagor*, *Insula Rossa*, *Varangolimen*, *Roxofar*, *Varandigo* квалифицируются автором как «славянские»; *Mauro Zaquea* и *Alba Zaquia* — как «северокавказские»; *Balla Matrega* и *Chumania* — как «тюркские» и т.п. Автор полагает, что по зафиксированной морскими картами и портоланами форме топонима можно «в ряде случаев определить исходное значение топонима» (с. 104). По-видимому, называя топонимы славянскими, тюркскими, латинскими, греческими, автор имел в виду прежде всего это «исходное значение» топонима, отражавшее участие того или иного народа в освоении пространства Причерноморья.

На с. 105 говорится, что «Этнолингвистическая карта» является также реконструкцией «этнической ситуации в регионе». Остается неясным, этническая ситуация какого времени имела в виду. От эллинской колонизации до конца XVII в.? Но ведь сам автор неоднократно отмечает, что этническая ситуация в этом регионе всегда была очень подвижной (с. 104, 105, 110).

Методику составления помещенных в Приложении сравнительных топонимических таблиц автор не раскрывает. Первая графа первой таблицы (с. 251–258) называется «Сводный перипл античных названий» и, судя по относящейся к ней сноске, составлена на основе ряда публикаций различных географических сочинений античного времени — периплов, трудов Страбона и Птолемея. Возникает вопрос: а что в таком случае представляют собой топонимы в этой графе — записанное кириллицей среднее арифметическое транскрипций в использованных автором источниках?

Вопросы, касающиеся точности передачи топонимов, встают и в связи с другими местами таблиц. Так, во второй таблице (с. 258–264), где приведены данные лоции из сочинения Абу-л-Фиды, указано, что автор опирался на издание Ж.Т. Рено, включающее в себя арабский текст и его перевод на французский язык. В соответствующей графе таблицы топонимы даны латиницей и кириллицей, т.е. в принципе должны были бы передавать транскрипцию Рено в первом случае и авторскую транскрипцию арабской формы наименования — во втором. Результаты сличения записи топонимов в рецензируемой книге и в том источнике, на который там дана ссылка, таковы:

топонимы Абу-л-Фиды по книге И.К. Фоменко	топонимы Абу-л-Фиды в передаче Ж.Т. Рено	кириллическая транскрипция топонимов
<i>Alconstantynya</i> / ал-Кустантинийа Estantoul / Истанбул	Alcostantyny Estantoul	ал-Қустантїнийа Иҫтанбұл
<i>Sakji</i> / Сакчи	Sacdjy	ҫақджи
<i>Akdja-Karman</i> / Акджа-Карман	Acdja-Kerman	Ақджә-Кармән
<i>Sarai-Karman</i> / Сарай-Карман	Sarou-Kerman	ҫәрӯ-Кармән
<i>JATR-TAG</i> / ДЖАТР-ТАГ	Djatherthag	Джәтар-Ғәг
<i>Soudac</i> / Судак	Soudac	ҫӯдақ
<i>Kaffa</i> / Кафа	Caffa	ал-Кафә
<i>Kertsch</i> / Карш	Kertsch	ал-Карш
<i>Azak</i> / ал-Азак	Azof, al-Azac	ал-Азақ
<i>Ojacrac</i> / ал-Шакрак	Schacrac	ал-Шақрәқ
<i>Taman</i> / ал-Таман	Thaman	ал-Ғәмән
<i>Sokhoum</i> / Сухум	Sokhoum	Суҳӯм
<i>QIASA</i> / АЛ-КЯСА	(Al)kassa	ал-Касә
<i>Trebizonde</i> / Атрабзун, <i>Атрабзундат</i> , <i>Аркшиятун</i>	Trébizonde	Атрабзӯн
<i>Samsoun</i> / Самсун	Samsoun	Сәмсӯн
<i>Sinub</i> / Синуб	Sinope	Синӯб
<i>Kinli</i> / Кинли	Kinoli	Кинли
<i>Kagrou</i> / Кагру	Kidrou	Китру
<i>Bantarikly</i> / Бантарикли	Bantarikly	Бантариқли
<i>Kerbey</i> / Карби / <i>Карбай</i>	Kerbey	Карби
<i>Aldjeroun</i> / ал-Джарун	Aldjeroun (Aldjedonn)	ал-Джарӯн

Как видно, передача многих топонимов автором (они выделены курсивом) отличается от транскрипции Рено или неверно передает наименование кириллицей. Неточно указаны и страницы издания: описание Черного моря в сочинении Абу-л-Фиды помещено на

страницах 31–34 (арабского текста), а не 30–35, как стоит в сноске к таблице⁹. Прописными буквами мною выделены наименования, добавленные в лоцию Абу-л-Фиды самим И.К. Фоменко из других частей сочинения арабского географа. Так, сообщение о городе *ал-Касā* Абу-л-Фиды приводит со ссылкой на ученого и путешественника второй половины XIII в. Ибн Са'ида ал-Магриби и локализует в Восточном Причерноморье. В этом же регионе Абу-л-Фиды помещает и еще ряд пунктов, характеризующихся им как приморские¹⁰, но сведения о них в таблицу не включены. Почему для *ал-Касы* сделано исключение, не объясняется. Топоним «Джāтар-Тāг» (Чатыр-Даг) встречается в описании крымского города *Қирқри* (Кырк-Ер, совр. Чуфут-Кале): «Рядом с городом имеется огромная гора, поднимающаяся до неба и называемая Джāтар-Тāг; ее видно с судов, плавающих по морю Крыма»¹¹. Таким образом, при составлении таблицы автор весьма вольно обошелся с текстом Абу-л-Фиды, фактически сконструировав лоцию из трех фрагментов, взятых им из разных частей сочинения арабского географа.

Во второй графе первой таблицы помещены (по изданию К. Миллера) латинские транскрипции причерноморских топонимов, нанесенных на карту ал-Идриси, но почему-то проигнорированы его более подробные — по сравнению с картой — черноморские лоции, к тому же доступные в переводах на европейские языки и прокомментированные¹². Во второй таблице (с. 258–264), где приведены данные лоции из сочинения Абу-л-Фиды, также следовало не ограничиваться французским переводом Ж.Т. Рено, а использовать (или хотя бы упомянуть для сведения читателей) имеющийся пере-

⁹ К тому же и ссылка на сочинение Абу-л-Фиды приведена крайне неряшливо: отсутствует диакритика, в одном случае нет пробела между словами, имя арабского географа написано то как *Aboulfeada*, то как *Abulfida*, т.е. оба раза неправильно (должно быть: *Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique* par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840; *Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements* par M. Reinaud. Paris, 1848. Т. II. Première partie).

¹⁰ *Géographie d'Aboulféda: Texte arabe*. P. 203.

¹¹ *Ibid.* P. 215. Ссылки на этот фрагмент, в отличие от сообщения об *ал-Касе*, в рецензируемой книге нет.

¹² Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960; Бейлис В.М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1988. С. 67–76; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

вод лоции на русский язык¹³. Это позволило бы автору избежать как отдельных неточностей в отождествлении наименований разных источников, так и излишней категоричности в соотнесении топонимов, упоминаемых в разных источниках, друг с другом.

Табличная форма подачи топонимического материала не избавляет автора от необходимости обоснования предлагаемых им отождествлений. Конечно, когда речь идет о крупных и хорошо знакомых мореплавателям портовых городах вроде Константинополя, Трапезунда, Таны, Каффы, Судака, Варны и некоторых других, проблем с локализацией не возникает. А как быть с редко посещаемыми пунктами, небольшими стоянками, неизвестными по другим источникам, или с такими, идентификация которых продолжает оставаться предметом дискуссии? К примеру, автор помещает фигурирующий в лоции ал-Идриси город *Армұкастрұ* близ Варны, хотя в литературе существует не менее разработанная версия локализации этого пункта в районе оз. Разелм. Отождествление реки *Данұ* именно с Килийским гирлом дунайской дельты (вытекающее из того, что автор сопоставляет гидроним с совр. Вилково) совершенно произвольно; это никоим образом не следует из опубликованной К. Миллером карты ал-Идриси и противоречит данным его лоции. Города *ал-Лāниййа*, *Астабриййа*, *Ашкисиййа*, информация о которых у ал-Идриси настолько скудна, что не позволяет отождествить их с каким-либо пунктом Восточного Причерноморья (на что неоднократно указывалось в литературе)¹⁴, И.К. Фоменко уверенно помещает — соответственно — в Геленджике, южнее Сухуми и в устье р. Риони (с. 255–256). Специалисту, знакомому с сочинением ал-Идриси, совершенно очевидна несостоятельность такого утверждения, не подкрепленного никакими аргументами, но читатель, который будет пользоваться таблицами как самостоятельным материалом, вполне может отнестись к ним с таким же доверием, как к таблице умножения, и воспринимать все эти сопоставления как твердо установленный факт.

Следует сказать несколько слов об оформлении работы. Судя по отсутствию каких-либо упоминаний об издательском редакторе в

¹³ Коновалова И.Г. Черное море в описании Абу-л-Фиды // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155): Россия и мусульманский мир. С. 51–57.

¹⁴ Разбор известных и историографию см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 152–160, 176–177.

выходных данных книги, остается предполагать, что она издана в авторской редакции. Приходится признать, что это не пошло монографии на пользу.

Во-первых, рецензируемая работа просто пестрит стилистическими ошибками. Так, автор зачастую не считает нужным проводить разницу между предметом (или лицом) и его изображением на карте: «Святые расположены по углам карты» (с. 66); «флаги помещались над стилизованным городом» (с. 133); «флаги с тамгой реют на морских картах ...» (с. 137); «в легенде под Сараем на Волге говорится... (с. 137); «царь сидит под изображением города, расположенного в северном Причерноморье» (с. 142); «на всем побережье южного Причерноморья существует только один топоним» (с. 146); «Карпаты на навигационных картах помещались редко» (с. 167); «города на этом портолане утопают в зелени» (с. 168); на морском атласе «присутствует одно-единственное лиственное дерево» (с. 168); «на морских картах группы зданий, покрытых черепичной и свинцовой кровлей, опоясывают мощные стены и башни» (с. 170). В принципе, конечно, можно догадаться, что автор имеет в виду, но порой такая небрежность в формулировках приводит уж к совершенно абсурдным утверждениям: «Реки символически показаны волнистой линией, ширина их на картах значительно превышает реальную» (с. 169). Не менее впечатляющие примеры описания картографических изображений см. на с. 137–142, 154, 159, 161, 164, 168, 169, 174.

Во-вторых, оставляют желать лучшего библиографические описания. Почти повсеместно отсутствует диакритика в ссылках и в списке источников и литературы, к тому же в них много опечаток. Бросается в глаза разноречивость в библиографических описаниях: иногда та или иная работа цитируется просто по названию, без указания имени автора; не всегда имя автора выделено курсивом; выходные данные и номера томов бывают приведены в разном порядке; издатель может быть указан после года издания; часть сокращений раскрывается в тексте или в библиографии, а не в списке сокращений. Значительная часть изданий, упомянутых в тексте, отсутствует в списке библиографии. Полный перечень всех этих неточностей привести просто невозможно ввиду ограниченного объема рецензии.

На некоторые работы ссылки в тексте даются по одним изданиям, а в списке источников и литературы указываются другие. К примеру, в тексте монографии приводится ссылка на сочинение Клавихо по

изданию 1881 г. (с. 21, 146, 147, 148, 150, 156, 157, 158), а в списке источников — на современное издание И.С. Мироковой (с. 224).

Наименования некоторых средневековых сочинений на разных страницах книги могут выглядеть по-разному. Работа Бартоломео Крещенцио на с. 20 называется «Искусство навигации в Средиземном море», а на с. 31 — «Плавание по Средиземному морю». Об итальянской лоции конца XIII в. говорится то как о «Compasso da navigare» (с. 13), то как «Lo compasso da navigare» (с. 68), «Lo compasso» (с. 68), «Компассо да Навигаре» (с. 19, 71), «Компассо» (с. 19, 20, 69, 71, 117, 118, 143, 153); «Liber compassum» (с. 19, 69).

Есть неточности в написании имен собственных. Так, инициалы Тизенгаузена — В.Г., а не В.Т. (как на с. 22, 111, 223), фамилия И. Лелевеля по-русски пишется с одним «л», а не с двумя (с. 11; там же она и по-французски указана неверно). Инициалы Норденшёльда переданы то как Н.А.Э. Норденшельд (с. 11), то как А.Е. Норденшельд (с. 13, 14, 28, 29), хотя следовало — А.Э. Норденшёлъд.

Нумерация иллюстраций к книге беспорядочна. Цветные репродукции на вклейках и черно-белые, помещенные в составе текста, имеют общую нумерацию (за исключением двух, которые даны без номеров — с. 115, 132). Относящиеся к гл. I цветные репродукции имеют порядковые номера 1–7 и 9, а присутствующая в тексте этой главы иллюстрация идет под номером 8 (несмотря на то, что она является первой по счету во всей книге). В гл. II черно-белые рисунки имеют номера 9, 23, 24 и 26, цветные — 2, 1, 3, 6, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 15, 17, 18, 19, 21, 20, 27, 25, 22; т.е. рисунков под номером 9 оказывается два. Цветные иллюстрации к III главе приведены в таком порядке: 1, 4, 2, 3, 8, 5, 9, 10 (6 и 7 — черно-белые). В текст гл. IV включены иллюстрации под номерами 18а, 20а, 28, а цветные репродукции к этой главе пронумерованы следующим образом: 1–8, 10, 11, 12, 9, 13–23, 25, 24, 26, 27, 29–41. Нигде нет указаний на источники иллюстраций, опубликованных в книге, за исключением фотографий, сделанных самим И.К. Фоменко (рис. 4, 5, 9 к гл. III, рис. 3, 26 к гл. IV).

Отсылки к иллюстрациям в тексте иногда некорректны. Так, например, говоря на с. 104 о том, что «определение этимологии географических названий, их исходных форм и значений представляет серьезные трудности», автор отсылает читателя к рис. 1 (надо думать, этой же главы). Этот рисунок, на котором изображена часть карты, сопровождается подписью «Византийский манускрипт XIII в. с изображением восточного Причерноморья и части Анатолии. Возможно,

изготовлен в Константинополе». Какое отношение к этимологическим изысканиям имеет именно данная карта, остается неясным.

Приводя данные Абу-л-Фиды о нижнедунайском городе *Сақджи*, автор отсылает к рис. 3 — репродукции двух страниц из рукописи сочинения Абу-л-Фиды, которые повествуют совсем о другом регионе (о городах Армении и Азербайджана). Правда, рис. 3 прекрасно демонстрирует, как в принципе выглядят составленные арабским географом топонимические таблицы — вероятно, это и надо было оговорить, отсылая читателя к иллюстрации.

Если за стилистические особенности своей работы и слабо отредактированный текст И.К. Фоменко целиком отвечает сам, то ответственность за многочисленные ошибки в орфографии и пунктуации разделяет с издательским корректором М.В. Архиреевым. О некоторых ошибках, встречающихся в книге, даже неудобно говорить, так как с ними принято прощаться еще в средней школе: «крещенный» (как прил.; с. 38) вместо «крещеный», «серебряная» (с. 76) вместо «серебряная», «песчаный» (с. 116, 117) вместо «песчаный», «развиваться» (о флаге; с. 139) вместо «развеваться», «нимало» (с. 145) вместо «немало», «значек» (с. 171) вместо «значок», «толмачем» (рис. 9 к гл. IV) вместо «толмачом», «контоминация» (с. 290) вместо «контаминация», и т.п. Однородные члены предложения, причастные обороты и придаточные предложения далеко не всегда бывают выделены запятой (с. 19, 21, 28, 108, 168 и др), порой отсутствует согласование слов, не проставлены скобки. Чего стоит хотя бы подпись к рис. 17 к гл. II: «Лист портолана с изображением на карте французского, английского и ирландского побережий со святыми сценой Благовещения и св. Николаем Мирликийский) из атласа Пьетро Весконтэ 1321 г.» (с. 93).

В целом монография И.К. Фоменко оставляет двойственное впечатление. На авторе лежала большая ответственность перед отечественной аудиторией, поскольку это первая монографическая работа такого рода на русском языке, в связи с чем для большинства российских читателей она просто неизбежно будет играть роль историографического путеводителя и библиографического справочника. В этом смысле книга абсолютно незаменима, поскольку является единственным на сегодняшний день русскоязычным изданием, посвященным средневековым морским картам, и первым систематическим исследованием образа Причерноморья в памятниках средневековой морской картографии. Многие из изложенных выше замечаний, взятые каждое по отдельности, могут показаться просто

мелочными придирками желчного рецензента, но в совокупности они свидетельствуют — что приходится констатировать с огромным сожалением — об удручающей небрежности, с которой выполнено исследование, и это заставляет относиться к изложенному в монографии фактическому материалу, интерпретациям автора и библиографическим отсылкам с большой осторожностью.